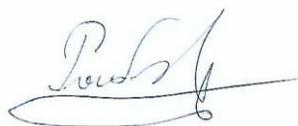

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Рябов Сергей Михайлович

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ, ДИНАСТИЧЕСКИЕ И
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И
ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЕВСТВА В 1558–1581 ГГ.**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2024

Работа выполнена на кафедре истории России Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Редин Дмитрий Алексеевич

Официальные оппоненты:

Ерусалимский Константин Юрьевич,
доктор исторических наук, доцент, АНОО
ВО «Европейский университет в Санкт-
Петербурге», профессор Центра «Res
Publica»;

Филошкин Александр Ильич,
доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ
ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет», заведующий кафедрой
истории славянских и балканских стран;

Баязитова Гульнара Ильгизовна,
кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО
«Тюменский государственный университет»,
доцент кафедры международных отношений
и регионоведения.

Защита состоится «24» сентября 2024 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета УрФУ 5.6.03.05 по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»,

<https://dissover2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=6198>.

Автореферат разослан « ____ » августа 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

А.В. Шаманаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Сегодня, когда мир претерпевает череду военных столкновений, а теоретики международных отношений, пытаясь объяснить изменения, происходящие в структуре международной системы, рассуждают об империях, «новом средневековье» и многоуровневом управлении, комплексный ретроспективный анализ двусторонних взаимоотношений на фоне глобальных геополитических трансформаций представляется необходимым условием для изучения и теоретического осмысления структурных сдвигов и системных изменений, всегда связанных с глубокими социальными конфликтами.

Объектом исследования выступают русско-французские контакты 1558–1581 гг., помещенные в контекст Балтийских войн. **Предметом** исследования являются дипломатические, династические и экономические аспекты развития русско-французских отношений в обозначенный период, опосредованные влиянием взаимосвязей двух держав со странами севера и севера-востока Европы.

Территориальные рамки исследования ограничены Балтийским регионом, где наиболее сильными державами в исследуемый период являлись Московское царство, Великое княжество Литовское и Польское королевство, объединенные с 1569 г. посредством Люблинской унии в Речь Посполитую, Дания, Швеция и Священная Римская империя, представленная также ганзейскими городами. **Нижней хронологической границей** является 1558 г., когда в ходе Ливонской войны 1558–1561 гг. русскими войсками была захвачена Нарва, что позволило французским негодьям перейти к налаживанию прямой торговли с московским купечеством на Балтике. **Верхней хронологической границей** служит 1581 г., когда большая часть Русской Ливонии, включая Нарву, была захвачена польско-литовскими и шведскими армиями в ходе Московской войны 1577–1581 гг. и второй русско-шведской войны 1578–1583 гг., в результате чего прямые русско-французские контакты переместились с Балтики на Беломорье.

Цель диссертационного исследования – установить характер русско-французских контактов на севере и северо-востоке Европы в 1558–1581 гг., рассмотрев дипломатическое, династическое и экономическое взаимодействие двух держав в контексте Балтийских войн. Для достижения поставленной цели ставятся следующие **задачи**:

1. Рассмотреть миротворческую миссию французской дипломатии во время Северной семилетней войны, сопоставив ее с внешнеполитическими целями Русского государства, показав значение международных неформальных связей для укрепления авторитета французской короны в балтийском пространстве;

2. Проанализировать политику русского и французского монарших дворов в годы шведского внутривойска кризиса и первого «бескоролья» в Речи Посполитой, определив ее влияние на развитие русско-французских контактов;

3. Проанализировать реакцию на события Варфоломеевской ночи в Русском государстве и других странах севера и северо-востока Европы;

4. Реконструировать проект воцарения династии Валуа на шведском престоле, показав его роль в развитии русско-французских контактов;

5. Раскрыть план создания шведско-польско-французской союзной коалиции и превращения прибалтийских земель в Великое герцогство Ливонское, вассальное дому Валуа, как контрпроект Русской Ливонии, выстроив новую интерпретацию международных и геополитических инициатив французской дипломатии;

6. Изучить комплекс посольских донесений европейских монарших дворов и публицистические сочинения, посвященные дипломатическим и военно-политическим планам царского двора в период Балтийских войн;

7. Разработать периодизацию русско-французской коммерции на Балтике, выявив проблемы и перспективы развития торгового трафика в условиях польско-шведской блокады «нарвского плавания».

Основу **источниковой базы** диссертационного исследования составляют *делопроизводственная документация и материалы личного происхождения*, состоящие из посольских донесений, включающих в себя русские «статейные списки» (отчеты о проведении посольства) и переписку французских дипломатических представителей, посольских «речей», межгосударственной корреспонденции, понимаемой как комплекс взаимных посланий русских, французских, польско-литовских, шведских, датских монархов и лиц, наделенных внешнеполитическими полномочиями (новгородских наместников, литовских панов, польских сенаторов, канцлеров, членов Риксрода), *актовые материалы*, представленные дипломатическими договорами и

сопровождающими их документами, а также *публицистические сочинения*, в частности, «летучие листки» – небольшие прокламационные публикации пропагандистского характера – и газеты.

Важную часть проанализированной посольской документации составляет корреспонденция французского резидента в Копенгагене Шарля Киссарма, сеньора де Данзе, выполнявшего функции представителя дома Валуа на севере и северо-востоке Европы в 1548–1589 гг. Кроме того, в работе используется посольская документация других французских дипломатов, в частности, корреспонденция резидента в Вене Бернардена Бошетеля, епископа Реннского, представителя дома Валуа в Лондоне Бертрана де Салиньяка, сеньора де Ла Мот-Фенелона, послов в Венеции Франсуа де Ноайя, епископа Дакса, и Арно Дю Феррье, резидентов в Риме Жюста де Турнона, графа де Руссильона, и Поля де Фуа, архиепископа Тулузского. Среди русских посольских отчетов особое внимание обращается на «статейные списки» Ивана Воронцова, Константина Скобельцына, Ждана Квашина, Афанасия Резанова, Истома Шевригина и Якова Молвянинова.

Межгосударственная корреспонденция представляет собой комплекс взаимных посланий, главным образом царя Ивана IV, королевы-матери Екатерины Медичи, королей Карла IX и Генриха III, Фредерика II Датского, Эрика XIV и Юхана III Васа, Сигизмунда II Августа, Стефана Батория и, отчасти, польских сенаторов, литовских панов-рад, императоров Максимилиана II и Рудольфа II Габсбургов. В диссертации представлены как опубликованные материалы, так и архивные документы, хранящиеся в Российской национальной библиотеке, Российской государственной библиотеке, Российском государственном архиве древних актов, Архиве министерства иностранных дел Франции, Национальной библиотеке Франции и Государственном архиве Швеции. Комплексное изучение данных источников в настоящей работе позволяет рассмотреть эволюцию русско-французских контактов 1558–1581 гг. на фоне геополитических перипетий, происходивших во время борьбы за «ливонское наследство».

Развитие балтийского направления во внешней политике Русского государства и Французского королевства рассматривается также посредством анализа содержания дипломатических договоров. Публицистические труды представлены рядом прокламационных

сочинений и газет, изданных во Франции и странах севера и северо-востока Европы.

Степень разработанности темы. Тема русско-французских контактов 1558–1581 гг. не раз становилась объектом изучения отечественных и зарубежных исследователей. История связей между двумя державами, вовлеченными в Балтийские войны, начала активно изучаться в конце XVIII – начале XIX в. Автором первого сочинения можно считать П.-Ш. Левека¹, систематизировавшего известные к этому времени сведения и отнесшего зарождение русско-французских отношений к концу XVI в.² Источники, найденные на тот момент во французских древлехранилищах, были опубликованы Л. Парисом в приложении к первому тому перевода «Повести временных лет»³: в частности, были изданы три посольских отчета Шарля де Данзе от марта-апреля 1575 г., в которых дипломат информировал Генриха III о военно-политических акциях Русского государства в ливонских землях⁴.

В отечественной историографии XIX в. о русско-французских контактах 1558–1581 гг. писали Н. М. Карамзин, который, коснувшись вопроса «нарвского плаванья», упомянул покупку французскими негоциантами русской икры и ее дальнейшую продажу в Испании и Италии⁵, Н. И. Костомаров, назвавший среди европейцев, торговавших в Московском царстве, подданных династии Валуа⁶, и С. М. Соловьев, затронувший вопрос включенности французских купцов в «северную коммерцию»⁷.

---

¹ Levesque P.-C. Mémoire touchant les anciennes relations de la France avec la Russie // Paris L. La chronique de Nestor, traduite en français, accompagnée de notes et d'un recueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France. T. I. Paris, 1834. P. 301–317.

² Основанием для столь поздней датировки стало отсутствие дипломатической корреспонденции между дворами Рюриковичей и Валуа во французских древлехранилищах: Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. СПб., 2021. С. 9.

³ Paris L. La chronique de Nestor... P. 330–396.

⁴ Примечательно, что в комментариях к данным посланиям Л. Парис, не исследовав проблему внешней политики французской короны в «Балтийском мире» комплексно, выдвинул предположение о ее активном участии в событиях, происходивших на севере и северо-востоке Европы во второй половине XVI в., во многом предвосхитив выводы, к которым исследователи придут спустя столетие: Ibid. P. 378.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. X. СПб., 1824. С. 252.

⁶ Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск, 2011. С. 370.

⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. VIII. СПб., 1896. С. 720–721.

Французские исследователи второй половины XIX в. как правило основывались на выводах, сделанных Л. Парисом, отмечая активное участие «наихристианнейшей» монархии в балтийских событиях 1558–1581 гг., или игнорировали их, относя зарождение русско-французских контактов к началу XVIII в. Так, например, в исследовании Л. Пинго акцент был сделан на географической удаленности Московского царства от владений Валуа, различиях между христианскими конфессиями и «азиатских нравах» династии Рюриковичей⁸. Отчасти с мнением Л. Пинго согласился А. Рамбо, причислив к препятствиям, стоявшим на пути построения русско-французского диалога, противодействие польской и шведской корон, а также события Религиозных войн, которые, по мнению ученого, приковали все внимание дома Валуа к внутривосточным проблемам и, следовательно, не позволяли перейти к активным действиям на международной арене. Вместе с тем А. Рамбо отнес возникновение контактов между Московским царством и Французским королевством ко времени правления Генриха Анжуйского в Речи Посполитой 1573–1575 гг.⁹

Повторив положения Л. Париса и А. Рамбо, свои сочинения, приуроченные к заключению франко-русского альянса 1891 г., издали П. В. Безобразов¹⁰, В. С. Иконников¹¹ и А. Ле Гле¹². В то же время был опубликован труд Г. В. Форстена, в котором политика дома Валуа на севере и северо-востоке Европы была помещена в контекст «балтийского вопроса» второй половины XVI в. Французский монарший двор, по мнению ученого, начал принимать непосредственное участие в событиях, бурно развивавшихся на севере и северо-востоке Европы, с 1561 г., когда Эрик XIV Васа, приступив к блокаде «нарвского плаванья», затронул интересы бретонских и нормандских негодантов. Кратко охарактеризовав посольскую миссию Данзе и его действия, направленные на защиту свободной торговли, историк вместе с тем отметил рост влияния французской короны в скандинавских странах в годы Северной семилетней войны, а также

---

⁸ Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris, 1886. P. 3–5.

⁹ Rambaud A. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. I. Russie. Paris, 1890. P. 9–11.

¹⁰ Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М., 1892. 469 с.

¹¹ Иконников В. С. Сношения России с Францией (XVI–XVIII вв.): исторический очерк. М., 1893. С. 3–6.

¹² Le Glay A. Les origines historiques de l'alliance franco-russe. Paris, 1897. 302 p.

затронул дипломатический, религиозный и торговый аспекты внешней политики династии Валуа, подчеркнув ее антигабсбургскую направленность¹³.

В начале XX в. к изучению русско-французских контактов 1558–1581 гг. обратились Н. Н. Бантыш-Каменский и Ф. Ф. Мартенс¹⁴. Оба исследователя, взяв за основу повествования предшествовавшие труды, повторили выводы об эпизодическом характере отношений, в очередной раз подчеркнув географическую удаленность двух стран друг от друга¹⁵. В работе Е. Омана вновь были процитированы выводы А. Рамбо¹⁶. Вскоре вышел основательный труд Л. Делава, который, на основании большого круга источников датировал период зарождения русско-французских контактов концом XV – началом XVI в. и подробно рассмотрел политику французской короны на севере и северо-востоке Европы, обстоятельно описав установление дипломатических отношений со скандинавскими державами и процесс развития французской коммерции на Балтике¹⁷. Одновременно с монографией Л. Делава была опубликована статья Е. Ф. Тураевой-Церетели, в которой был продемонстрирован интерес Валуа к генеалогии русских государей¹⁸. Немногим позже вышла обобщающая монография А. Антийома, основанная на труде Л. Делава и повторившая его выводы¹⁹. Спустя почти десятилетие тема русско-французских контактов 1558–1581 гг. была отчасти затронута в исследовании С. Ф. Платонова, в котором было упомянуто о владении царскими послами французским языком и деятельности торгового агента семьи Строгановых Оливье

---

¹³ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. С. 117, 372–373.

¹⁴ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 4: Пруссия, Франция, Швеция. М., 1902. С. 78; Мартенс Ф. Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIII. СПб., 1902. С. III–XI.

¹⁵ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 4. С. 78.

¹⁶ Haumant E. La culture française en Russie (1700–1900). Paris, 1910. P. 1–4.

¹⁷ Delavaud L. Les Français dans le Nord. Notes sur les premières relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie septentrionale depuis l'Antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle. Rouen, 1911. P. 50–109. Тем не менее, несмотря на скрупулезный анализ, за рамками исследования осталась внушительная часть дипломатической корреспонденции Данзе, послания Карла IX, Генриха III и Екатерины Медичи, а также русские, польские, шведские и датские источники.

¹⁸ Тураева-Церетели Е. Французская генеалогия XVI–XVII вв. о русских государях // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 81–95.

¹⁹ Anthiaume A. Cartes marines, constructions navales, voyage de découverte chez les Normands, 1500–1650. T. I. Paris, 1916. 567 p.

Брюнеля, возглавлявшего русские торговые поездки в Антверпен и Париж в 1570-е гг.²⁰

После середины 1920-х гг. тема русско-французских контактов периода Балтийских войн на долгое время исчезла из поля зрения отечественных и зарубежных ученых. Лишь спустя два десятилетия В. Д. Преображенским была предпринята неудачная попытка обобщить ранее накопленные сведения: от внимания ученого, повторившего выводы А. Рамбо и Ф. Ф. Мартенса, ускользнули исследование Л. Делаво и большая часть к тому времени опубликованных источников²¹.

Значительный вклад в возрождение интереса к истории русско-французских контактов 1558–1581 гг. внес труд В. Кирхнера: в нем известный исследователь «балтийского вопроса», подвергнув критике предшествующую историографию, обвинил исследователей в недостаточном внимании к экономическому аспекту. Взяв за основу концепт «духа предпринимательства», ученый пришел к выводу, что проекты французского двора по развитию «северной коммерции» потерпели крах из-за неприятия Валуа меркантилистских установок и погружения королевства в гражданское противостояние, отвлекавшее все силы двора на погашение возникавших религиозно-политических конфликтов. Среди других факторов, препятствовавших развитию русско-французской торговли на Балтике, В. Кирхнер выделил нежелание французских негоциантов объединиться в единую компанию и неимение у них достаточного финансового капитала для конкуренции с голландскими и английскими купцами, приоритет Америки и Индии в торговых планах французской короны и ее подданных, пренебрежение необходимостью заключения соглашений с Данией, Швецией и ганзейскими городами, а также «леность и небрежность» французского купечества²².

С критикой выводов, предложенных В. Кирхнером, выступил П. Жаннен, призвавший не рассматривать русско-французскую торговлю 1558–1581 гг. как «череду упущенных возможностей» дома Валуа и выдвинувший тезис о несостоятельности веберовского

---

²⁰ Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925. С. 18, 32.

²¹ Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. I. Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые русские посольства во Францию // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. 1945. Вып. VII. История. С. 1–61.

²² Kirchner W. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650) // Revue historique. 1949. Т. 102. P. 161–183.

конструкта «предпринимательского духа» и понятий «лености» и «небрежности» к изучению экономики Французского королевства второй половины XVI в. Историк также опроверг предположение В. Кирхнера об ориентации французской короны и ее негоциантов на американский и индийский рынки, убедительно доказав важность балтийской торговли для бретонских, нормандских и пикардских купцов²³.

В отечественной историографии середины – второй половины XX в. интерес к теме русско-французских контактов 1558–1581 гг. лежал, в отличие от зарубежных исследований, в политической плоскости. Я. С. Лурье была затронута проблема восприятия Иваном IV трагических событий Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г.: негативную реакцию русского государя на избияния гугенотов историк отнес к демонстрации внешнеполитических планов Московского государства, направленных на противодавление воцарению Генриха Анжуйского на польско-литовском престоле²⁴. Немногим позже вышла монография Г. Жордания, в которой частично были рассмотрены торговые и дипломатические контакты между Французским королевством и Московским царством в 1570–1580-е гг.²⁵ О внимании царского двора к событиям, происходившим во Франции второй половины XVI в., писала в своем исследовании, основываясь на рассмотрении русских статейных списков, Н. А. Казакова²⁶. Важной работой, предварившей имагологические труды современных историков, является труд М. П. Алексева, в котором были рассмотрены известия о Русском государстве в «Опытах» и «Путевом дневнике» Мишеля де Монтеня. Литературовед заострил внимание на описании французским интеллектуалом миссии русского гонца Истома Шевригина, прибывшего в Рим в 1581 г., а также заключил, что все эпизоды «Опытов», относящиеся к Русскому государству, «восходят в сущности только к одной книге – к польской истории Яна Гербурта»,

---

²³ Jeannin P. L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe // *Annales. Économies, sociétés, civilisations*. 1954. № 1. P. 23–43. Благодаря рецензии В. Л. Керова статьи В. Кирхнера и П. Жаннена стали известны отечественным исследователям: Керов В. Л. Две статьи о русско-французских отношениях XVI–XVII вв. // *Вопросы истории*. 1956. № 2. С. 183–184.

²⁴ Лурье Я. С. Известие о Варфоломеевской ночи в русских посольских делах XVI в. // *Вопросы истории, религии и атеизма*. 1958. № 6. С. 216–230.

²⁵ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. I. С. XIV–XV.

²⁶ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков...

которая была преподнесена во французском переводе Генриху Анжуйскому при избрании его королем Речи Посполитой²⁷. Кроме того, о русско-французских контактах периода Балтийских войн писал А. А. Зимин, отнесший генезис торговых связей между двумя державами к 1570-м гг., а начало дипломатических отношений – к 1583 г.²⁸

Конец XX в. в зарубежной историографии ознаменовался появлением ряда обобщающих работ, подведших итоги двухвекового изучения темы. Среди них особо можно выделить статьи Ч. Даннинга, М. Мерво и Ф.-Д. Лиштенан, в которых вновь были упомянуты послания Василия III к Франциску I, участие французских купцов в «нарвском плавании», а также повторены выводы об эпизодичности контактов и удаленности двух держав, монаршие дворы которых мало интересовались друг другом²⁹.

В XXI в. интерес исследователей получил новый импульс. Дешети и посольские отчеты Данзе оказались востребованы при изучении истории Псковской земли М. Ю. Колпаковым³⁰. К корреспонденции французского дипломата обратился Ю. Досси, отметивший любопытный статус посла Данзе, который, будучи кальвинистом, находясь при лютеранском датском дворе, служил католическим королям дома Валуа³¹. Систематизация сведений о русско-французских контактах 1558–1581 гг. была проведена Э. Шнакенбургом, В. Н. Козулиным, И. А. Бисько и К. Т. Бисько³². Особый

---

²⁷ Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 21–42.

²⁸ Зимин А. А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 131.

²⁹ Dunning Ch. S. L. Quand les Français redécouvrent la Russie // *Revue historique*. 1984. Т. 272. P. 331–351; Mervaud M. Un normand en Russie au XVIe siècle. Le voyage du Dieppois Jehan Sauvage // *Études Normandes*. 1986. № 2. P. 38–52; Liechtenhan F.-D. Les découvreurs de la Moscovie: l'appréhension des observateurs occidentaux face à la montée de Moscou // *Histoire, économie et société*. 1989. № 4. P. 483–506.

³⁰ Колпаков М. Ю. Псковская земля и Ливонская война в описаниях французских авторов второй половины XVI в. // *Псковский военно-исторический вестник*. 2017. № 3. С. 30–35; Колпаков М. Ю., Михеев Д. В. Экономика Псковской земли в описаниях английских и французских авторов раннего Нового времени // *Манускрипт*. 2019. № 2. С. 27–31; Колпаков М. Ю., Михеев Д. В. Английские и французские источники XVI–XVII вв. о Псковской земле // *Метаморфозы истории*. 2019. № 13. С. 81–106.

³¹ Daussy H. Duplessis-Mornay, Languet et Danzay en guerre contre les théologiens // *L'Humaniste, le Protestant et le Clerc*. 2003. № 18. P. 93–103; Daussy H. Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) // *Религия. Церковь. Общество*. 2015. № 4. С. 198–227.

³² Schnakenbourg E. L'aube des relations diplomatiques franco-russe: les ambassades moscovites en France au XVIIe siècle // *La France et la Russie: regards diplomatiques (XVIIe–*

вклад в изучение темы сделал Б. Виане, опубликовав ряд писем французских и скандинавских монархов, а также часть корреспонденции Данзе. В российском издании монографии следует отметить качественную работу переводчика книги – А. Терещенко. Вместе с тем большинство документов было опубликовано не полностью и с явными ошибками в транскрипции и переводе, ряд посланий был издан с ошибочной датировкой³³. Среди современных исторических исследований также можно выделить труды бельгийского историка С. Мунда, рассмотревшего эволюцию европейских представлений о России, а также отечественных – Д. В. Самотовинского, А. Никитина, А. С. Буцан, В. Е. Смирновой, Ж. М. Арутюновой и Е. В. Линьковой³⁴, в которых основное внимание уделяется изучению имагологической составляющей вопроса русско-французских связей. Пожалуй, наиболее полное описание русско-французских контактов 1558–1581 гг. содержится на сегодняшний день

XXIe siècle) / sous la dir. de L. Jalabert. Rennes, 2012. P. 11–33; Козулин В. Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI – начало XVII в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2 (90). С. 78–86; Бисько И. А., Бисько К. Т. Французы на Русском севере // Россия и Франция: 125 лет дружбы и сотрудничества. Материалы международной научной конференции. СПб., 2019. С. 186–190.

³³ Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. Открытие Арктики французами в XVI веке / пер. с франц. А. Терещенко. М., 2017. С. 325–413.

³⁴ Mund S. *Orbis Russiarum. Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance.* Genève, 2003. P. 44, 388; Самотовинский Д. В. «Другой» между варварством и цивилизацией: москвиты во «Всеобщей истории мира» Франсуа де Бельфорэ (1570) // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 4. № 2. С. 154–160; Он же. Одно из «самых славных государств» мира: Московия в контексте исторической концепции и политических взглядов Луи Ле Руа // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2013. С. 217–237; Он же. Благочестивые варвары под властью тиранов: москвиты во «Всеобщей космографии» Андрэ Тевэ (1575 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Т. 13. Вып. 1. С. 25–32; Он же. «Тирания» или «законная монархия»? Политические порядки Московии во французской этнографической, политической и исторической литературе эпохи Религиозных войн // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Т. 5. Вып. 2. С. 142–150; Никитин А. Россия и Сорбонна // Христианское чтение. 2010. № 3. С. 46–72; Буцан А. С. К истории русско-французского культурного диалога // Вестник МГУКИ. 2012. № 6 (50). С. 90–93; Смирнова В. Е. Что интересного увидел в России XVI в. французский путешественник Жан Соваж? // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 73–79; Арутюнова Ж. М., Линькова Е. В. Россия глазами французских путешественников XV–XVIII вв. // Вестник РУДН. История России. 2016. № 1. С. 108–116.

в публикациях И. Шварц и В. В. Шишкина: исследователям удалось рассмотреть династические, политические и отчасти экономические связи, представив анализ, основанный на внушительном корпусе источников, и показав значимость изучения русско-французских отношений для дальнейшего уточнения внешней политики Рюриковичей и Валуа в Балтийском регионе³⁵.

Методология и методы исследования представляют собой комплекс работ, присущих направлениям «глобальной истории»³⁶ и «новой дипломатической истории»³⁷, а также историзирующим подходам теории международных отношений³⁸.

Объект анализа выводится за пределы рассмотрения исключительно межгосударственных связей и помещается в рамки масштабной сети коммуникаций, выстраивавшейся между различными акторами в границах одного региона, являвшегося пространством «великого моря», функционировавшего не как «изолированный резервуар», а скорее как место для построения контактов и взаимодействий поверх политических и культурных границ³⁹. Попытка рассмотреть русско-французские контакты на фоне балтийской истории, таким образом, позволяет показать, что изучение международных контактов эпохи позднего Ренессанса невозможно без учета вовлеченности европейских монарших дворов, их агентов и

---

³⁵ Шишкин В. В., Шварц И., Дюро Э. К Господарю нашему писал Францовской король о любви: Генрих III де Валуа и императоры Московии // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 3. С. 939–962; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. Стоит также отметить статью В. В. Шишкина и А. Л. Корзинина, в которой был проведен компаративный анализ русского и французского монарших дворов XIV–XVI вв.: Корзинин А. Л., Шишкин В. В. Государев двор России и королевский двор Франции в XIV–XVI вв.: сравнение несравнимого? // *Canadian-American Slavic Studies*. 2016. Vol. 50. № 4. P. 399–438.

³⁶ О подходах, характерных для «глобальной истории» см.: Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2018. 312 с.

³⁷ Анализ основных положений «новой дипломатической истории» см.: Мазарчук Д. В. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития // *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2021. Т. 66. № 3. С. 283–292.

³⁸ Spruyt H. *The Sovereign State and Its Competitors. An Analysis of Systems Change*. Princeton, 1994. 304 p.; Roseberg J. *The Empire of Civil Society. A Critique of the Realist Theory of International Relations*. London, 1994. 236 p.; Rosenberg J. Isaac Deutscher and the lost history of international relations // *New Left Review*. 1996. № 215. P. 3–15; Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011. 416 с.

³⁹ Конрад С. Что такое глобальная история? С. 155.

представителей в многочисленные сложные связи, основой которых, во многом, являлись торгово-финансовые сети как устойчивые неформальные каналы внешних сношений.

Дипломатические проекты, предполагавшие наращивание территориальной экспансии и воцарение монаршей династии на иноземных престолах, объясняются посредством концепции «геополитического накопления», в рамках которой ресурсы и материальные силы, идеологические конструкты и матримониальная династийная политика рассматриваются как механизмы, способствовавшие успешной реализации глобальных внешнеполитических задач⁴⁰. Международные отношения второй половины XVI в., во многом развивавшиеся в форме трайбализации⁴¹, объясняются посредством динамического анализа конкуренции государств и династий за территории и получение контроля над торговыми путями, достигаемое за счет количественного увеличения объемов коммерции, а также изгнания конкурентов с рынка. Данное противоборство анализируется как одна из главных причин «территориализации» морских пространств, появления и соперничества дискурсов «*mare clausum*» и «*mare liberum*», возникновения политики «*dominium maris*» и появления «купцов-авантюристов», вынужденных в условиях отсутствия конвоя взять курс на «милитаризацию», позволявшую торговать в условиях ведения боевых действий⁴².

Научная новизна диссертации заключается в комплексном рассмотрении русско-французских контактов 1558–1581 гг. и их помещении в контекст Балтийских войн. Впервые на основе широкого круга источников в рамках многопланового исследования изучены внешнеполитические проекты, цели и задачи французской короны на севере и северо-востоке Европы в тесной связи с военными и дипломатическими акциями царского двора в период борьбы за «ливонское наследство». Самостоятельное значение имеет реконструкция русско-французских экономических контактов, дополненная просопографическим анализом французских негоциантов, ведших торговлю в прибалтийских землях. Кроме того, представлена новая интерпретация дипломатических и матримониальных проектов

---

⁴⁰ Тешке Б. Миф о 1648 годе... С. 154.

⁴¹ Подробнее о феномене трайбализации в международных отношениях раннего Нового времени см.: Bély L. *L'art de la paix en Europe...* P. 10.

⁴² Тешке Б. Миф о 1648 годе... С. 291; Лахман Р. Государства и власть / пер. с англ. М. Дондуковского; под научн. ред. И. Чубарова. М., 2020. С. 180.

дома Валуа, направленных на увеличение французского присутствия в регионе. Впервые в историографии комплексно исследуются французские известия о русских посольствах в Италию 1581–1582 гг., причем рассматриваются не только донесения официальных дипломатических представителей, но и сведения, полученные, в частности, сторонниками Католической Лиги, ставшей к концу 1570-х гг. самостоятельным субъектом политической полемики под предводительством клана Гизов⁴³. Наконец, выдвигается и доказывается гипотеза, что наравне с Московским царством в ходе череды северных конфликтов Французское королевство попыталось войти в круг держав «Балтийского мира», став новым геополитическим гегемоном в европейском пространстве.

Положения, выносимые на защиту:

1. Зарождение русско-французских контактов происходит во второй половине XV – первой половине XVI в. вместе с активизацией французской дипломатии в скандинавских странах, Польше, Венгрии и Османской империи. В то же время, ориентированность московской дипломатии на построение тесного взаимодействия со Священной Римской империей не способствовала налаживанию прямого диалога с французским двором, политика которого была направлена против усиления габсбургского влияния в Европе.

2. Посредническая миротворческая миссия дома Валуа в годы Северной семилетней войны, сопровождавшаяся выстраиванием неформальных связей, позволила укрепить авторитет французской короны в «Балтийском мире» и рассчитывать на реализацию масштабных геополитических проектов на севере и северо-востоке Европы. Несмотря на то, что усиление французского влияния в регионе не нашло отклика в Русском государстве, царский двор выразил явную заинтересованность в налаживании двустороннего экономического взаимодействия, основой которого стала контрабандная торговля вооружением и боеприпасами.

3. Значительную роль в построении русско-французских контактов сыграли дипломатические и матримониальные проекты дома Валуа, направленные на воцарение французской династии в странах севера и северо-востока Европы. Московский двор, отчасти рассматривая Французское королевство как потенциального

---

⁴³ Шишкин В. В. Французский королевский двор в XVI веке. История института. СПб., 2018. С. 270.

геополитического союзника, вместе с тем не мог разделять планы дома Валуа по наращиванию его влияния в Балтийском регионе.

4. Негативное влияние на развитие русско-французских контактов и положение французской короны на севере и северо-востоке Европы, в том числе в динамике русско-французских отношений, оказали события Варфоломеевской ночи, бегство Генриха Анжуйского из Речи Посполитой и разрыв матримониальных планов дома Валуа по отношению к династии Васа.

5. Французские дипломатические представители и сторонники религиозно-политических партий периода Гражданских войн внимательно следили за положением и военно-политическими действиями Московского царства, видя в нем на разных этапах развития русско-французских контактов экономического партнера, угрозу *res publica christiana* или союзника, с помощью которого предполагалось реализовать глобальные проекты геополитического переустройства.

6. Французская корона и ее подданные-негоцианты были заинтересованы в становлении и развитии торгового трафика на Балтике и в Русской Ливонии, выступая против польско-шведской политики «*dominium maris*» и блокады «нарвского плавания». Царский двор, склонный к развитию экономического взаимодействия, также не был равнодушен к идее «*mare liberum*», видя в ней залог интенсификации русско-европейского торгового трафика.

7. Несмотря на выгодность «северной коммерции», французский королевский двор, погруженный в гражданское противостояние, не мог обеспечить купцов военным сопровождением и создать единую компанию по торговле в Русской Ливонии. Негоцианты вынуждены были милитаризироваться, превращаясь в «купцов-авантюристов». Арест их судов и конфискация товаров польскими и шведскими каперами привели к постепенному снижению французского торгового трафика в регионе и его перемещению в Беломорье. Московский двор, в свою очередь, будучи заинтересованным в продолжении обоюдовыгодного экономического сотрудничества, всячески стимулировал рост торговли на Русском Севере, даровав французским негоциантам ряд привилегий, способствовавших развитию двусторонних контактов в последние десятилетия XVI в.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов диссертации для написания общих и специальных работ по истории международных отношений эпохи Средних веков и раннего Нового времени, при

разработке лекционных и практических занятий по истории дипломатии и внешней политики, создании специальных курсов и учебных пособий. Результаты исследования также могут быть применены для дальнейшего изучения различных аспектов Балтийских войн второй половины XVI в.

Степень достоверности исследования определяется комплексным анализом делопроизводственной документации, источников личного происхождения, публицистических сочинений, а также актового материала, позволяющим реконструировать генезис и эволюцию русско-французских контактов 1558–1581 гг. в контексте Балтийских войн второй половины XVI в. Кроме того, достоверность результатов исследования подкрепляется использованием широкого спектра традиционных и современных методологических подходов.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в научных публикациях автора. Всего по теме исследования опубликовано 14 работ общим объемом 10,1 п. л., в том числе 8 научных работ объемом 7,7 п. л., опубликованных в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК РФ (одна статья в соавторстве) и индексируемых в международных базах данных SCOPUS, WoS. Диссертационное исследование не содержит результатов научных работ, выполненных в соавторстве, без ссылок на соавторов. Доля диссертанта – 9,4 п. л. Результаты диссертационного исследования также были представлены в виде докладов и сообщений на 15 международных и всероссийских конференциях, семинарах, коллоквиумах и круглых столах.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, состоящих из параграфов, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** дано обоснование актуальности темы диссертационной работы, определена ее научная значимость, обозначены объект и предмет исследования, его территориальные рамки и хронологические границы, установлены цель и задачи, охарактеризованы степень разработанности темы, источниковая база,

примененная методология и методы исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, раскрыта научная новизна, теоретическая и практическая значимость, а также представлена информация об апробации полученных результатов.

Первая глава **«Становление русско-французских отношений и эволюция политики династии Валуа на севере и северо-востоке Европы: от Средневековья к раннему Новому времени»** посвящена анализу русско-французских контактов второй половины XV – первой половины XVI в. В главе подробно освещается взаимодействие французской короны и московского монаршего двора в контексте геополитических коллизий в Балтийском регионе указанного периода.

В первом параграфе **«Политика дома Валуа в Балтийском регионе и русско-французские контакты во второй половине XV – первой половине XVI в.»** рассматриваются русско-французские контакты второй половины XV – первой половины XVI в. в тесной связи с активизацией французской дипломатии в скандинавских странах, Польше, Венгрии и Османской империи. Отмечается, что ориентированность московской дипломатии на построение тесного взаимодействия со Священной Римской империей не способствовала налаживанию прямого диалога с французским двором, политика которого была направлена против усиления габсбургского влияния в Европе.

Второй параграф **«Русское государство и Французское королевство в годы Северной семилетней войны»** посвящен рассмотрению миротворческой миссии французской дипломатии во время Северной семилетней войны и ее сопоставлению с внешнеполитическими целями Русского государства. Показывается значение международных неформальных связей для укрепления авторитета французской короны и московского двора в балтийском пространстве. Выдвигается положение, что хотя усиление французского влияния на севере и северо-востоке Европы не нашло отклика в Русском государстве, царский двор выразил явную заинтересованность в налаживании двустороннего экономического взаимодействия.

В третьем параграфе **«Русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х гг.»** рассматривается организация и состояние русско-французской торговли в Нарве в 60-е годы XVI в. в условиях борьбы государств северо-востока Европы за гегемонию в Балтийском регионе. На основании анализа делопроизводственной документации делается вывод об обоюдном

интересе Русского государства и Французского королевства в построении и укреплении двусторонней коммерции. Доказывается, что с начала 1560-х годов, несмотря на противодействие со стороны польской и шведской корон, происходит интенсификация французского торгового трафика в Русскую Ливонию.

Во второй главе **«Московская Русь и Франция в контексте геополитических коллизий в Балтийском регионе первой половины 1570-х гг.»** проводится анализ политики русского и французского монарших дворов в годы шведского внутривосточного кризиса и первого «бескоролевья» в Речи Посполитой, рассматривается реакция на события Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г. в Русском государстве и других странах севера и северо-востока Европы, реконструируется проект воцарения династии Валуа на шведском престоле и показывается его роль в развитии русско-французских контактов, а также раскрывается план создания шведско-польско-французской союзной коалиции и превращения прибалтийских земель в Великое герцогство Ливонское, вассальное дому Валуа, как контрпроект Русской Ливонии.

В первом параграфе **«Варфоломеевская ночь и реакция на нее в странах севера и северо-востока Европы»** исследуется восприятие событий Варфоломеевской ночи в Русском государстве, Речи Посполитой, Швеции и Дании. Доказывается, что негативная реакция на парижские убийства гугенотов стала одной из главных причин падения авторитета и влияния дома Валуа в балтийском пространстве. Кроме того, демонстрируется, каким образом и с какими возможными целями Иван IV, давая оценку парижской резне, формулировал свое представление об идеальном христианском правителе, а следовательно, и о самом себе в международном контексте.

Во втором параграфе **«Русское государство как оппонент политике Франции»** исследуются несколько ключевых сюжетов, необходимых для понимания политики французской короны и русского монаршего двора на севере Европы в первой половине 1570-х гг. Анализируется проект свержения шведского короля Юхана III, планировавшийся заговорщиками во главе с Шарлем де Морне при поддержке дома Валуа. Также рассматривается план создания шведско-французского союза. Выдвигается гипотеза, что данный проект был отклонен Генрихом Анжуйским, занимавшим трон Речи Посполитой в 1573–1574 гг., по причине проведения им дружественной политики по отношению к Русскому государству. Кроме того, объясняется потеря

французской короной влияния в Балтийском регионе в 1574–1575 гг. Показывается роль в этом процессе бегства Генриха де Валуа из Польши летом 1574 г. и прекращения матримониальных планов относительно шведской династии Васа в феврале 1575 г. Вместе с тем подробно разбирается проект Шарля де Данзе, касавшийся превращения Ливонии в вассальное французское герцогство во главе с Франсуа де Валуа, герцогом Алансонским, а также дальнейшие планы дипломата по созданию унии из Франции, Дании, Швеции, Ливонии и Речи Посполитой. Доказывается, что несмотря на короткий период перемещения Русского государства в стан оппонентов Французского королевства, взаимовыгодные торговые связи и тесные междинастические отношения не позволили двум странам стать непримиримыми врагами. Напротив, к середине 1570-х гг. сложились условия, способствовавшие поиску Россией и Францией взаимных интересов.

В третьем параграфе **«Русско-французская торговля на Балтике в первой половине 1570-х гг.»** рассматриваются несколько ключевых вопросов, необходимых для описания истории русско-французской коммерции в первой половине 1570-х гг. Анализируются планы французской короны по развитию балтийской торговли в первой половине 1570-х годов. Также объясняется влияние политических проектов династии Валуа в Северной Европе на развитие французского торгового сообщения с русской Нарвой. Показывается, что французская корона и ее подданные-негоцианты были заинтересованы в становлении и развитии торгового трафика на Балтике и в Русской Ливонии, выступая против польско-шведской политики «*dominium maris*» и блокады «нарвского плавания». Кроме того, демонстрируется, что царский двор, склонный к развитию экономического взаимодействия, также не был равнодушен к идее «*mare liberum*», видя в ней залог интенсификации русско-европейского торгового трафика.

Третья глава **«Русско-французские контакты в годы Московской войны»** посвящена анализу французской дипломатической корреспонденции и публицистических документов, посвященных положению и военно-политическим действиям Московского царства, а также развитию русско-французских торговых контактов во второй половине 1570-х – начале 1580-х гг.

В первом параграфе **«Французские известия о Русском государстве и польско-шведском реванше в Ливонии»** анализируются французская дипломатическое корреспонденция и

публицистические сочинения, содержащие сведения о двух миссиях (посольствах) представителей царя Ивана IV в Рим в 1581 и 1582 гг. Показывается, что общей темой всех источников выступает проект создания антиосманской лиги, где важное место отводилось Русскому государству, а также его переходу «в послушание» Римско-Католической Церкви. Делается вывод, что королевская власть в лице Генриха III Валуа, руководствуясь собственными интересами, опасалась осуществления такого сценария. Новая большая европейская война, возможный крестовый поход на Восток и трудности в средиземноморской торговле могли больно ударить по состоянию Франции, истощенной многолетними Гражданскими войнами. Для представителей оппозиционной королю Католической лиги, напротив, возможность скорого перехода Русского государства в католическое вероисповедание и его участия в борьбе против Османской империи представляло собой яркое торжество католической веры и скорое поражение «еретиков» и «неверных». Констатируется также, что изначальная информация о посольстве Шевригина, напечатанная во «Французском Меркурии» в 1611 г., принадлежит авторству иезуита А. Поссевино, но во французской интерпретации приведена в качестве примера возможности межконфессионального согласия.

Второй параграф **«Русско-французская коммерция в 1575–1581 гг.»** посвящен развитию русско-французской торговли на Балтике в условиях усиления польско-шведской блокады «нарвского плавания» и стремительной потери Московским царством своих позиций в Ливонии. Доказывается, что несмотря на выгодность «северной коммерции», французский королевский двор, погруженный в гражданское противостояние, не мог обеспечить купцов военным сопровождением и создать единую компанию по торговле в Русской Ливонии. Негоцианты вынуждены были милитаризироваться, превращаясь в «купцов-авантюристов». Арест их судов и конфискация товаров польскими и шведскими каперами привели к постепенному снижению французского торгового трафика в регионе и его перемещению в Беломорье. Московский двор, в свою очередь, будучи заинтересованным в продолжении обоюдовыгодного экономического сотрудничества, всячески стимулировал рост торговли на Русском Севере, даровав французским негоциантам ряд привилегий, способствовавших развитию двусторонних контактов в последние десятилетия XVI в.

В **заключении** сформулированы основные выводы диссертационного исследования, призванного продемонстрировать продуктивность преодоления ортодоксальных концепций истории дипломатии, внешней политики и теории международных отношений, ориентированных на государствоцентричную модель описания глобальных связей. Новая интерпретация русско-французских отношений 1558–1581 гг. была основана на детальном анализе дипломатических, династических и экономических контактов, помещенных в контекст Балтийских войн второй половины XVI в. Она показывает, что комплексное изучение генезиса и эволюции русско-французского взаимодействия эпохи позднего Ренессанса возможно при сопутствующем рассмотрении масштабной сети коммуникаций, присущей пространству севера и северо-востока Европы в период борьбы за «ливонское наследство». Как доказывает проведенное исследование, вопреки устоявшемуся в исторической литературе восприятию Французского королевства как исключительно средиземноморской державы, международные устремления которой территориально ограничивались южноевропейскими, североафриканскими и американскими землями, одним из главных дипломатических направлений дома Валуа являлось усиление своих позиций в «Балтийском мире», особо выразившееся в желании стать его частью посредством реализации ряда проектов глобального геополитического переустройства. Осуществляя критику устоявшихся историографических положений, традиционно основанных на суждениях об отсутствии русско-французских контактов в обозначенный период, равнодушном или негативном отношении французской короны к царскому двору, незаинтересованности ее негодичантов в освоении русского рынка и развитии «северной коммерции», настоящая диссертация демонстрирует, что со второй половины XV в. и особенно в 1558–1581 гг. Рюриковичами и Валуа предпринимались значительные усилия по интенсификации дипломатических, династических и экономических связей со странами Балтийского региона, сопряженные с активным налаживанием отношений друг с другом.

Первые русско-французские контакты, осуществлявшиеся главным образом при посредничестве ганзейских купцов и двора Ольденбургов, прослеживаются с конца 1480-х – начала 1490-х гг. и тесно связаны с желанием Великого княжества Московского войти в круг европейских держав, а также началом Итальянских войн, когда

Валуа приступили к созданию союзной коалиции, куда должны были войти державы севера и востока Европы. Первая половина XVI в. ознаменовалась поисками взаимного сближения, которые, с наступлением череды балтийских противостояний переросли в обоюдный интерес двух дворов. Завоевание русским воинством Нарвы в 1558 г. позволило французским негодьям, пользовавшимся благодаря коммерческим соглашениям с Датским и Шведским королевствами широкими привилегиями в регионе, реализовать идею прямого товарооборота с Московским царством.

Несмотря на то, что внешнеполитические действия французской короны в 1560-е гг. не представляли собой комплексной стратегии, являясь скорее чередой ситуативных реакций на стремительные изменения, ей удалось упрочить свое влияние в «Балтийском мире», во многом благодаря успешной посреднической миссии в ходе Северной семилетней войны. Значительные усилия Шарля де Данзе, приложенные для окончания этого многолетнего кровопролитного конфликта, позволили дому Валуа выстроить сеть неформальных связей со многими влиятельными политическими деятелями Дании, Швеции, Любека и Польши. С начала 1570-х гг. она стала основанием для реализации нескольких геополитических проектов, устремленных к воцарению представителей династии Валуа в странах Балтийского региона и нацеленных на возвращение Французского королевства к традиционной роли антипода габсбургской гегемонии.

Преддверием краха французского влияния на севере и северо-востоке Европы стали события Варфоломеевской ночи, известия о которых довольно быстро достигли резиденций скандинавских государей и стремительно распространились среди польской и литовской шляхты, вызвав резко негативную реакцию. Новость о кровавых расправах над гугенотами, дошедшая до царского двора, очевидно, осенью того же года, вкупе с информацией о кандидатуре Генриха Анжуйского, одного из зачинщиков парижской резни, на трон Речи Посполитой имела отрицательное воздействие на развитие русско-французских контактов. На короткий период 1572–1574 гг. держава Ивана IV стала оппонентом политике Валуа в Балтийском регионе и начала восприниматься французскими дипломатическими представителями как главная угроза безопасности *res publica christiana*. Именно в данный период рождается и получает развитие проект

создания шведско-польско-французской союзной коалиции, направленный на устранение «московитской угрозы».

Отказ Генриха де Валуа, желавшего разрешить балтийские противоречия мирными средствами, от конфронтации с Русским государством стал почвой для преодоления русско-французских разногласий и позволил продолжить взаимовыгодные контакты между двумя монархиями. Бегство французского принца из Польши, отказ от матримониальных планов по отношению к династии Васа и все более ухудшавшиеся отношения с датской короной привели к окончательной утрате домом Валуа завоеванных ранее позиций: французская дипломатия, несмотря на разработку амбициозного проекта по созданию Великого герцогства Ливонского, превратилась по большей части в пассивного наблюдателя, созерцавшего стремительно изменявшуюся в 1575–1581 гг. геополитическую обстановку.

Тем не менее, интерес к событиям на севере и северо-востоке Европы, сохранявшийся при французском дворе, обусловил повышенное внимание его дипломатических представителей к действиям Русского государства после завершения второго «бескоролья» в Речи Посполитой и новому витку ливонского противостояния, выразившемуся в Московской войне 1577–1581 гг. и русско-шведском конфликте 1578–1583 гг. Особого внимания различных религиозно-политических партий удостоились царские посольства в Италию 1581 и 1582 гг., вызванные стремлением Ивана IV добиться мирного соглашения со Стефаном Баторием путем инициации переговоров при посредничестве Святого Престола.

Наиболее интенсивное развитие в 1558–1581 гг. получили русско-французские экономические контакты. Обе стороны, получая немалую выгоду, прилагали всевозможные усилия для их сохранения и интенсификации. Вместе с тем, погружение дома Валуа в пучину гражданских противостояний не способствовало отстаиванию интересов французских негодантов на Балтике военными средствами: польская и шведская политика противодействия русско-европейской коммерции, выраженная в блокаде «нарвского плавания», не позволила французскому купечеству, так и не объединившемуся в единую компанию и не обладавшему большими капиталами, стать серьезным конкурентом для нидерландских и английских торговцев, зачастую сопровождавшихся боевыми конвоями и имевших агентов в Московском царстве. Это, в купе с падением французского влияния на

Балтике, предопределило необходимость освоения пути, ведущего в Беломорье, где подданным Валуа удастся закрепиться в 1583–1584 гг.

Перспективы дальнейшей разработки темы заключаются в выделении иных аспектов русско-французского взаимодействия на севере и северо-востоке Европы, а также расширении хронологических рамок исследования до середины XVII в.

В **Приложениях** представлены наиболее значимые документы, касающиеся эволюции русско-французских контактов в 1558–1581 гг., снабженные подробным археографическим описанием и комментариями.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Рябов С. М. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»: русско-французская коммерция в Нарве в условиях балтийских войн 1560-х годов / С. М. Рябов // Средние века. – 2022. – Т. 83. – № 1. – С. 164–181; 1 п. л. (SCOPUS).
2. Рябов С. М. Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа: борьба за торговлю на Балтике при Иване Грозном / С. М. Рябов // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10. – № 4. – С. 1485–1498; 0,8 п. л. (SCOPUS, WoS).
3. Рябов С. М. Бумаги и итинерарии Франсуа де Валуа: на пути к изучению истории мифа / С. М. Рябов // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 3 (125) [Электронный ресурс]. – URL: <https://history.jes.su/s207987840024976-2-1/> (дата обращения: 15.01.2024); 0,8 п. л. (SCOPUS, WoS).
4. Рябов С. М. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа: новый источник по истории Балтийских войн / С. М. Рябов // Quaestio Rossica. – 2023. – Т. 11. – № 3. – С. 901–917; 1 п. л. (SCOPUS, WoS).
5. Рябов С. М. Французские известия о приезде в Италию гонцов Ивана IV Истомы Шевригина и Якова Молвьянинова в 1581 и 1582 годах / С. М. Рябов // Средние века. – 2023. – Т. 84. – № 1. – С. 101–124; 1,4 п. л. (SCOPUS).

6. Рябов С. М. Варфоломеевская ночь 1572 г. глазами Ивана Грозного: в поисках идеала христианского правления / С. М. Рябов, А. И. Попович // Герменевтика древнерусской литературы. – Сб. 22. – М. : ИМЛИ РАН, 2023. – С. 492–514; 1,4 п. л. / 0,7 п. л. (SCOPUS).

7. Рябов С. М. Русско-французская торговля на Балтике в условиях шведской блокады «нарвского плаванья» в 1570-е годы / С. М. Рябов // RussianStudiesHu. – 2024. – Vol. 6. – № 1. – С. 47–67; 1,3 п. л. (SCOPUS).

Другие публикации автора:

8. Рябов С. М. Шарль де Данзей: дипломат-гугенот на службе французского католического двора / С. М. Рябов // Документ. Архив. История. Современность. Сборник научных трудов. – Вып. 18. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. – С. 13–22; 0,6 п. л.

9. Рябов С. М. Французы в русской Нарве: неудачная попытка проникновения на Балтику / С. М. Рябов // Документ в современном обществе: факторы и тенденции развития информационной среды. Материалы XII Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2019. – С. 282–285; 0,2 п. л.

10. Рябов С. М. «К помощи всего христианства»: политика французского двора в Балтийском регионе в 70-е гг. XVI в. / С. М. Рябов // VII Информационная школа молодого учёного. Сборник научных трудов. – Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2019. – С. 336–344; 0,5 п. л.

11. Рябов С. М. Французская Ливония: «фантастический» проект дипломата Данзея / С. М. Рябов // Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании. 3-й Молодежный конвент. Материалы международной студенческой конференции. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. – С. 323–326; 0,2 п. л.

12. Рябов С. М. Проникновение французской короны на Балтику и франко-русские отношения второй половины XVI в.: концепции, стратегии и идеи / С. М. Рябов // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием. – Новосибирск : Новосибирский

национальный исследовательский государственный университет, 2019. – С. 292–300; 0,5 п. л.

13. Рябов С. М. Проект Французской Ливонии Шарля де Данзе и его место в изучении истории Ливонских войн / С. М. Рябов // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 434–438; 0,3 п. л.

14. Рябов С. М. Пасланне Жыгімонта II Аўгаста французскаму каралю Карлу IX Валуа: новая крыніца па гісторыі Балтыйскіх войн другой паловы XVI стагоддзя / С. М. Рябов // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Т. 1. – Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2023. – С. 208–210; 0,1 п. л.